

М. П. Погодин

**Древняя русская история, до монгольского
ига**

Том 1

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. П. Погодин**
Древняя русская история, до монгольского ига: Том 1 / М. П. Погодин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 396 с.

ISBN 978-5-518-10298-9

ISBN 978-5-518-10298-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Преданіе, донесшееся изъ глубины вѣковъ, до нашихъ лѣтописателей, указываетъ племенамъ Словенскимъ первоначальное жилище въ Европѣ на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, — Дунаѣ, который до сихъ поръ еще слышится у насъ повсюду въ народныхъ пѣсняхъ. «По мнзвѣхъ временѣхъ» (по потоку), говорятъ древнѣйшій лѣтописатель нашъ Несторъ, жившій въ XI столѣтіи, «сѣли суть Словени по Дунаеву, гдѣ есть шия Угорьска земля и Болгарьска».

Отсюда, вслѣдствіе естественнаго разлюженія и другихъ побудительныхъ обстоятельствъ, выселялись они по временамъ, — задолго до Рождества Христова, — и заняли наконецъ почти всю среднюю Европу.

Наша страна получила себѣ обитателей, по случаю нашествія съ запада Кельтовъ или Волоховъ, которые, растревоживъ Словенъ въ ихъ пригубомъ гнѣздѣ, заставили многихъ искать себѣ новыхъ жилищъ. Они тогда стояли уже на извѣстной степени образованія, знакомые съ земледѣліемъ и первоначальными искусствами, говорили языкомъ богатымъ и значительно развитымъ, имѣли понятія и вѣрованія, о Богѣ и жизни посмертной, приписанныя еще изъ прародины своей Индіи, съ коей до сихъ поръ обнаруживаютъ свойство.

Одни изъ Словенъ, племена Ляшскіи, приняли направленіе съ Дуная къ сѣверо-западу; другіи, наши, къ сѣверо-востоку.

Передовымъ изъ послѣднихъ были собственно такъ-называемые Словене. Набираемые сюда свѣжими толпами, они должны были снѣжно и усильно прокладывать себѣ дорогу, шли-шли и достигли наконецъ озера Ильмера, раздвинувъ обитавшую въ этихъ мѣстахъ Чудь. Здѣсь только могли они остановиться, и построили себѣ Новгородъ.

«Словени же сѣдоша около озера Ильмера, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша ѣ Новгородъ».

Словенскій конецъ, улица Славно, ручей Словенскій, извѣстные до сихъ поръ въ Новгородѣ, указываютъ своими именами, можетъ быть, на мѣста перваго поселенія.

Соплеменники, слѣдовавшіе по ихъ стопамъ, остановились также по пути, когда натискъ съ юга утихнулъ, гдѣ кому случилось, на Двинѣ, Припяти, Сожѣ—Кривичи, Дреговичи.

Другіе, еще прежде поворотившіе направо, расселились по Днѣстру, Бугу, Днѣпру и ихъ притокамъ, — Тиверцы, Хорваты, Сѣверяне, Поляне.

Всѣ они не составляли сплошнаго народонаселенія, раздѣляясь между собою рѣками, лѣсами, горами, болотами и степями.

Поляне, по сказанію летописца, отличались тихими и кроткими нравами. Брагъ издавна совершался между ними по взаимному согласію. Семейныя отношенія отличались скромностію. Древляне же имѣли обычай днѣе, подобно зѣбрымъ, съ конми жили въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, питались всякою нечистотою, въ распряхъ и ссорахъ убивали другъ друга, брага полюбовнаго не знали, но уводили или похищали себѣ женъ. Такъ жили и Радимичи, Витичи, Сѣверяне. Они сходились на игрища и пиесанья между селами, и тамъ выбирали себѣ дѣвицъ, съ кѣмъ которая стоворится. Многоженство было у нихъ въ обыкновеніи. Надъ покойниками совершалась тризна, насыпалась кладъ высокая, на которой трупъ былъ сожигаемъ. Сожженные кости собиравались въ малую сосудину и поставались на стопахъ при дорогахъ. Такъ поступали Витичи даже до II столѣтія, Кривичи и другіе. Мытье и париться въ баняхъ составляло древнѣйшій обычай, которому удивился еще, какъ говорить преданіе, Св. Апостоль Андрей.

Болотистая и лѣсная, бѣдная дарами природы, страна досталась на долю Словенамъ, которые, опознавшись, должны были подумать о средствахъ снискивать издѣ себѣ пропитаніе.

Къ счастью недостатки ихъ вознаграждались удобствами водныхъ сообщеній, не только съ близкими, но и самыми отдаленными землями.

Вскорѣ познакомились они съ своими приморскими соседями: это были родственныя племена, выслелшіяся прежде ихъ съ Дуная, а далѣе Норманны, извѣстные у нихъ подъ именемъ Варяговъ, самый дѣятельный и удалой народъ въ Европѣ того времени, которые уже съ V вѣка хозяйничали на всѣхъ моряхъ, и имѣли сообщенія по всѣмъ

берегамъ, въ Британіи, Галліи, Германіи, Италіи, наконецъ ближайшіе, Финны такъ называемая ими—Чудь.

Чудью, состоявшею изъ множества племенъ, заселенъ былъ, по другую сторону за Новгородцами, и весь Востокъ, отъ Сѣвернаго моря до Каспійскаго.

Смѣшанные пришельцы проводили, гдѣ водятся въ особенности естественныя произведенія, въ коихъ они наиболѣе имѣли нужды, и что могутъ они предлагать въ замѣну Перми, Булгарамъ, Козарамъ, Югрь. Имъ удалось даже стать твердою ногою влостѣдствіи на самыхъ выгодныхъ для себя въ этомъ отношеніи точкахъ, откуда они могли основать свою власть надъ окружающими странами. Такъ произошли новыя населенія, оказавшіяся вскорѣ для нихъ необходимыми—Изборскъ, Торжекъ, Бѣлозерскъ, Ростовъ, Муромъ, Бѣжецкъ, Волокъ Ламскій.

Въ торговлѣ Новгородской приняли вскорѣ участіе и Норманны, нигдѣ не упускавшіе случая завести свои связи, и разселившіея повсемѣстно; они распространили Новгородскую торговлю еще далѣе, до самаго устья Волги, куда, съ противоположной стороны, чрезъ Каспійское море, изъ внутренней Азіи, проникло съ одинакою цѣлю другое бодрое, живое, и вмѣстѣ образованное племя того времени—Арабы.

Арабы провозили въ устье Волги къ Козарамъ ароматы, южные плоды, шерстяныя ткани, драгоценныя каменья, которые до сихъ поръ удерживаютъ у насъ свои восточныя наименованія: изумрудъ, яхонтъ, бирюзу, жемчугъ.... Чудскія племена доставляли мѣха, рыбу, хлѣбъ, металлы, юфть. Изъ низовыхъ южныхъ Славянскихъ поселеній получался хлѣбъ, медъ, воскъ. Изъ Греціи паволоки, золото, вино, Норманны

торговали мечами Франкской работы, лита-ремь, пухоми, невольниками.

Очень рано между всеми этими народами началась взаимная жѣна, изъ коей мало по малу, по мѣрѣ распространения сообщеній, образовалась правильная обширная торговля съ определенными путями.

«Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки,» говоритъ Несторъ «и изъ Грекъ по Двѣпру, и вверхъ Двѣпра волокъ до Ловати, по Ловати вѣйти въ Илмеръ озеро великое, изъ негоже озеро потечеть Волховъ, и течеть въ озеро великое Невъ, того озера устье вѣидеть въ море Варяжское.»

«Тѣмъ-же изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы... Потече Волга на востокъ, и втечетъ семьдесятю жереть въ море Хвалисское» (Каспійское).

Огромное количество монеть Арабскихъ (диргемовъ), сѣдмаго, осьмаго и слѣдующаго вѣковъ, равно какъ и Византійскихъ, Норманскихъ, находимыхъ безпрестанно во всему этому пространству, служатъ въ опровержимымъ доказательствомъ живаго сообщенія между племенами, здѣсь обитавшими, съ отдаленной древности.

Смышленные Словене умѣли воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, на перепутьѣ Норманновъ въ Грецію и къ Финскимъ племенамъ, передавали товары изъ рукъ въ руки, и богатыли. Городъ ихъ сдѣлался въ иѣкоторомъ смыслѣ складочнымъ мѣстомъ на Сѣверѣ. Слава о Новгородѣ распространилась по всему Варяжскому или Балтійскому поморію, и Непладскія саги наполнились сказаніями о богатствѣ и могуществѣ великаго Гольмгарда.

Точно такое значеніе получилъ на югѣ Кіевъ, принадлежавшій другому Славянскому племени, Полянамъ, (предкамъ кажется нынѣшнихъ Великоросіянъ).

Новгородъ подвергся нападенію Норманновъ, господствовавшихъ на всѣхъ сосѣднихъ моряхъ, Кіевъ со всеми южными племенами—Козаровъ, которыхъ главнал сила сосредоточивалась въ Птигѣ, нынѣшней Астрахани, на устьѣ Волги.

Въ 859 году, (первое определеніе времени въ Лѣтописи) какая-то ватага Норманновъ, называвшихся у насъ Варягами, приплыла по Варяжскому морю, въ устье Невы, разсыпалась по сторонамъ, и обложила данью встрѣчаемыя ею племена, Славянскія и Финскія.

Подданство продолжалось недолго: племена вскорѣ встали, одно за другимъ, потому ли, что были выведены изъ тергѣній насильствомъ пришельцевъ, или потому, что увидѣли возможность легко справиться съ ними, и не захотѣли цѣсти напрасныхъ убытковъ.

Какъ бы то ни было, хозяева прогнали незваныхъ гостей туда, откуда они приходили, «за море,» и начали по прежнему «владѣть сами о себѣ,» но вскорѣ перессорились между собою, «всталъ родъ на родъ,» полилася кровь, и усобицѣ увидать было конца, а Норманны, съ часу на часъ, могли воротиться съ новыми, еще болѣшими силами, отмстить жестоко за полученное оскорбленіе и наложить иго тяжеле прежняго!

Тогда, среди общей смуты, пришла въ голову кому-то изъ восставшихъ благая мысль, чтобъ прекратить кровопролитіе: «Поимемъ себѣ Князя, который бы владѣть нами и судилъ по праву».

Совѣтъ заслужилъ одобреніе. Но гдѣ искать Князя, столько сильнаго, чтобъ онъ могъ дома держать свое имя грозно, и въ нужномъ случаѣ защитить мирныхъ племена отъ вѣрныхъ враговъ?

Здравый смыслъ, народный толкъ, указалъ имъ Норманновъ, которые господствовали по всему взморью, близкому и дальнему,

ходили безпрестанно на всѣ четыре стороны, селились вездѣ, гдѣ пригрѣвало солнце, и готовы были служить кому угодно, лишь было бы изъ чего,—Норманновъ, о которыхъ грозная слава разпространилась всюду. Да и когось въ то время выбирать было иначе? Кто имѣлъ столько силы и смѣлости, чтобъ взяться за такое трудное и опасное дѣло? Кто могъ лучше защитить отъ Норманновъ, какъ не ихъ соотечественники?

Словене, съ подвѣшными имъ, болѣе или менѣе, Кривичами, Чудью, Весью и Мерею, пошли «за море,» къ одному Норманскому племени, почему-то имъ болѣе знакомому, которое жило, кажется, въ углу Варяжскаго моря, въ сосѣдствѣ и совокупности съ родственными намъ племенами, и «называлось Русью, какъ другія племена назывались Свейми, Англичанами, Готами и Мурманами».

Земля ваша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами, сказали имъ послы безъ всякихъ околичностей и условій. Въспія слова, опредѣлившія дальнѣйшій ходъ нашей Исторіи.

Норманны знали коротко ихъ землю, богатый Гольмгардъ, знали сосѣднюю, обильную мѣхами, Біармію или Пермь, знали приманчивую Грецію, куда многіе отъ нихъ часто ѣздили торговать въ Константинополь, и служить по найму въ императорской варагскій или гвардіи.

По этому пути, знаменитому *austerveg* Норманскихъ лѣтописей, ходили уже въ Грецію, лѣтъ за тридцать, нѣкоторые изъ той Руси, къ коей обратились теперь посланные.

Охотники нашлись—согласиться на вызовъ: три брата, князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Они поднялись со всѣмъ своимъ племенемъ, «поюша по собѣ всю Русь,» и пришли къ намъ въ 862 году.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РЮРИКЪ СЪ БРАТЬЯМИ.

862—879.

Старшій изъ братьевъ, Рюрикъ, сѣлъ въ Ладогѣ, откуда, при истокахъ Невы, всегда удобнѣе было встрѣтить Норманновъ, которые обыкновенно приставали къ этой гавани, извѣстной у нихъ подъ именемъ Альдейгоборга, Синеусъ поселился у Веси на Бѣль-озерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ у Кривичей.

Война была любимымъ занятіемъ, промысломъ, привычкою и жизнью Норманновъ, и вотъ призванные братья, лишь только утвердились въ новыхъ станowychъ своихъ жилищахъ, какъ и начали «воевать всюду» съ сосѣдними племенами.

Но чрезъ два года меньшіе братья умерли; старшій, Рюрикъ, наслѣдовалъ ихъ волости, и переселился съ своею дружиною въ *Новгородъ*, главной городъ Словенъ, уже сильный, богатый торговлею, владѣвшій обширною волостью, и имѣвшій свои гражданскія учрежденія,—«и прозвались Новгородцы отъ нихъ, (отъ пришедшей Руси), Русскою землею, а прежде были Словене».

Мужамъ своимъ Рюрикъ родалъ, кому Полоцкѣ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро,— съ обязанностию собирать дань, судить и рядить народъ, и приходитъ къ нему съ войми по требованію. Срубивъ самъ городъ въ Новгородѣ, (Городище?) онъ велѣлъ имъ также, по исконному обычаю Норманновъ, рубить вездѣ города или крѣпости, какъ необходимыя точки опоры, гдѣ легко держаться, откуда удобно нападать, куда можно приводить плѣнниковъ, и сносить добычу.

Мужи Рюриковы разошлись съ своими бранными родичами, которыхъ переселеніе съ Сѣвера продолжалось еще много времени, «и по тѣмъ городамъ», говоритъ древнѣйшая наша лѣтопись, «Варяги вездѣ нахо-

дники, а первые жители въ Новгородѣ Словене, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлвоерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома». Пришельцы составили главную, господствующую часть городовъ Славянскихъ и Финскихъ, и военное, высшее сословіе новаго государства. «И тѣми всѣми (пришельцами и туземцами) обладаніе Рюрикъ».

Привыкнувшіе къ воли Новгородцы вскорѣ не поладили съ нимъ, говорить позднѣйшая лѣтопись: «оскорбишася глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла вслѣдски пострадати отъ Рюрика и рода его... уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ много изби Новгородцевъ, совѣтниковъ его».

Двое изъ спутниковъ Рюрика, *Аскольдъ* и *Диръ*, ни князья, ни бояре, выпросились у него съ родомъ своимъ въ Константинополь, памѣреваясь, безъ сомнѣнія, служить въ числѣ императорскихъ тѣлохранителей или сѣкироносцевъ.

Отпущенные, они не попали однакожъ, куда собиралися: пропосаясь въ легкихъ ладьяхъ по Днѣпру мимо Смоленска и Любеча, показавшихся имъ слишкомъ крѣпкими, они остановились подъ крутой горою, на которой, въ стѣни тополеи и черошеи, видѣлся городокъ...

Осмотрясь и оспросясь они узнали, что городокъ называется Кіевымъ, что строители, три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, умерли, а жители платятъ дань родамъ ихъ, Козарамъ.

Некатылемъ приключеній поправилось мѣсто при широкой рѣкѣ, текущей прямо въ любезное для нихъ море, на перепутьѣ съ Сѣвера, изъ родины, въ Грецію—такъ тепло здѣсь и привольно, всего ростеть кажется вдоволь. А жители смиры, воевъ пѣть, городокъ не вѣдокъ. Не остаться ли здѣсь?

Вадумано, сдѣлано. Аскольдъ и Диръ остались, а Поляне, самое тихое изъ племенъ Славянскихъ, приняли ихъ къ себѣ безъ прекословія.

Молва разнеслась объ удачѣ и выгодномъ поселеніи. Изъ Новгорода вскорѣ прибыло къ нимъ нѣсколько мужей, ушедшихъ отъ Рюрика. Послѣ могли останавливаться у нихъ проѣзжіе земляки, а другіе приплыть даже нарочно. Число товарищей пригульныхъ увеличивалось безпрестанно: они утвердились и начали владѣть Польскою землею, какъ владѣли ихъ единоплеменники на Сѣверѣ, и, подобно имъ, воевать съ сосѣдями.

Но такихъ легкихъ войнъ вскорѣ стало для нихъ педовольно. Другая мысль запала имъ въ голову, другая мечта овладѣла ихъ живымъ воображеніемъ, достойная Норманской крови. Они вадумали идти на Константинополь, о которомъ чудеса рассказывались на ихъ родинѣ. Миклагардъ, Миклагардъ, великій городъ! Чего тамъ пѣть! Какія сокровища вездѣ собраны! Сколько золота и серебра, паволокъ! Что за вина, что за яства! А защита плохая. Греческіе войны изнѣжены до того, что имя ихъ у родственныхъ варанговъ употребляется въ насмѣшку. О жителяхъ и думать нечего. Путь же не далекъ, морскія бури знакомы. Отъ чего не попытаться? Ходили-жь ихъ братья, прежде и послѣ, на Римъ, на Парижъ, на Лондонъ, ва Севиллу. Смѣлость города беретъ. Авошь!

Начались приготовленія къ походу. Книпутъ елчъ, который; передавался отъ города къ городу, могъ вскорѣ довестися и до отдаленнаго Сѣвера.

Стали со всѣхъ сторонъ собираться охотники дѣлать труды, опасности и устѣхи,

какъ это случалось обыкновенно при всякомъ большомъ Норманскомъ предпріятіи. На Царьградъ, на Царьградъ!

Славяне принялись строить лодки, кои выдалбливались изъ одного дерева, и потому назывались у Грековъ одиодревками, а послѣ у казаковъ душегубками.

И черезъ два года пустилось по Днѣпру сборное ополченіе, изъ двухъ сотъ судовъ. Первая четыреста пятьдесятъ верстъ не представляли по рѣкѣ никакого затрудненія. Но вотъ начинаются страшные Днѣпровскіе пороги, продолженіе Карпатскихъ горъ, которые до сихъ поръ препятствуютъ свободному судоходству. Привычные къ водѣ Норманны успѣваютъ кое-какъ пробраться черезъ всѣ преграды, гдѣ гребя, гдѣ плывя на парусахъ, гдѣ выходя на берегъ, и неся на плечахъ свои легкія лодки. Вотъ открылось раздольное море, и вонъ вдали показался предъ ними и желанный Константинополь.

Тамъ никто не ожидаетъ гостей.

«Походъ этихъ варваровъ счиренъ быть такъ,» свидѣтельствуетъ Патріархъ Фотій, «что и молва не успѣла предупредить насъ, дабы могъ кто-либо подумать о безопасности, и мы услышали о нихъ только тогда, когда ихъ увидѣли, хотя и отдѣлились отъ нихъ многими странами и народоначальствами, судоходными рѣками и пристанищами морями.»

«Помните тотъ часъ неспокойнъ и горькій,» говоритъ онъ же послѣ, вспоминая это событіе, «когда, въ виду нашего плыли варварскіе корабли, ... когда это море, утихнувъ, трепетно разстлало хребетъ свой, содѣлывая плаваніе ихъ приятнымъ и тихимъ, а на насъ воздымало шумящая волны брани; когда они проходили предъ городомъ, и угрожали ему, простерши свои мечи?»

«Помните ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь наша догорала съ послѣдними лучами солнца, и заря бытія нашего поглощалась глубокимъ мракомъ смерти?»

Быстро и смѣло вошли Русь «внутри суду», въ присталь, высадились на берегъ, раздѣлили жребіемъ по себѣ предмѣстія и принялись убивать и грабить.

«Что это?» восклицаетъ ученый, красноречивый проповѣдникъ, обливаясь слезами, въ соборномъ храмѣ Святыя Софіи, предъ собравшимся народонаселеніемъ столицы, «откуда упалъ на насъ этотъ далеко-сѣверный и страшный черунгъ?... откуда нахлынуло это варварское, стущенное и грозное море...?»

«Народъ жестокій и дерзкій разоряетъ и губитъ все, нивы, жилища, пашни, стада, женщину, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ сражая мечемъ, никого не милуя, ничего не щадя. Онъ, какъ саранча на пшѣ, и какъ ржавчина на виноградѣ, или страшнѣе, какъ жгучій зной, тифозъ, наводненіе, или не знаю, что и сказать, явился въ страсть нашей и стубилъ жителей ея.»

Испуганнымъ Грекамъ показалось, что неприятели перелѣзли уже черезъ стѣны, и что городъ взять.

Молодаго Императора Михаила III не было тогда въ городѣ: онъ только что вышелъ на Агарягъ въ Малую Азію. Эпархъ или намѣстникъ послать къ нему извѣстіе, которое настигло его на Черной рѣкѣ. Михаилъ сѣвшилъ воротиться...

Греки между тѣмъ вступили, безъ сомнѣнія, въ переговоры съ напавшею Русью. Предложена была имъ богатая дань, лишь сняли бы они осаду и удалились....

Всю ночь жители Константинополя провели въ непрерывныхъ молитвахъ.

Фотійъ вышелъ изъ церкви Влахерской ризу Богоматери, и вмѣстѣ съ народомъ совершилъ крестный ходъ по городу у стѣнъ его, держа ризу на рукахъ своихъ. Всѣ молились усердно, слушая сугубыя эктении и литии на опредѣленныхъ мѣстахъ.

И настала день спасенія, 5 Юня 865 года.

Русь, видно, довольная богатствомъ награбленнымъ въ предмѣстьяхъ, довольная и полученною данью отъ города, удалась стольже быстро, какъ и явилась, на своихъ легкихъ судахъ.

«Какъ только дѣвственная риза Богоматери обнесена была по стѣнѣ,» говоритъ Фотійъ во второмъ своемъ словѣ, по отшествіи враговъ, «варвары сняли осаду города, и мы избавились ожидаемаго пльна, и сподобились нечаяннаго спасенія.» —...

«Мы избавились отъ грозы, избѣжали меча, и губитель миновалъ насъ, покрытыхъ ризою Матери Слова: воспоемъ вмѣстѣ съ нею благодарственные пѣсни рожденному изъ нея Христу Богу нашему, —... Она оружіе наше и стѣна, щитъ и воевода.»

Долго постѣ сохранилось между Греками воспоминаніе объ этомъ внезапномъ нашествіи Руси.

Походомъ Кіевскихъ витязей Аскольда и Дира имя Руси огласилось въ міръ: «начаша прозывать Русска земля; о семъ бо увѣдахомъ», говоритъ лѣтописецъ, «лебо при семъ Цари (Михаилѣ) приходиша Русь на Царьградъ, яко же пишется въ лѣтописаньи Гречьствы.»

Много золота, серебра, драгоценныхъ камней и паволокъ, добыли удалые Варяги, но они привезли въ Кіевъ сокровище еще драгоценнѣе золота, серебра, драгоценныхъ камней и паволокъ: они привезли съями Христіанской вѣры для будущаго Государства, которое зачиналось въ Новѣгородѣ съ прибытіемъ перваго князя Рюрика, какъ родоначальника Русскихъ Государей.

Тотъже Патріархъ Фотійъ свидѣтельствуетъ объ ихъ обращеніи въ грамотѣ, писанной князю къ Восточнымъ Епископамъ въ 865 году: «Россы, славиле жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ Имперією Римскою, оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа, и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ Епископа и священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію Христіанскому».

Такимъ образомъ, въ одно время съ зачаткомъ государства въ Новѣгородѣ, зачалась у насъ и Христіанская вѣра въ Кіевѣ. Въ отличіе отъ народовъ западныхъ, получившихъ ее изъ Рима, мы приняли ее изъ Константинополя, отъ Грековъ, и именно въ то время, когда церковь вышла тамъ съ побѣдою изъ борьбы со всѣми лжеучителями, и успѣла отпраздновать торжество Православія, на основаніи семи вселенскихъ Соборовъ. Сообщилъ ее намъ Патріархъ, который первый возсталъ и противъ суемудрія западнаго и противъ папскаго властолюбія. Принесенное въ Русь богослуженіе, сохраняя въ себѣ учрежденія и преданія первыхъ временъ Христіанства, оживлялось вдохновенными славословіями великихъ духовныхъ пѣснопѣнцевъ, и незадолго предъ тѣмъ украсилось священной иконописью.

И Священное Писаніе со всѣми бого-служебными книгами, въ счастіи новыхъ Христіанъ, было только что переведено на Славянской языкъ, для сосѣднихъ Славянскихъ странъ, двумя святыми братьями, уроженцами Селунскими, Кирилломъ и Мефодіемъ. Проповѣдники Болгарскіе, ихъ ученики, могли принять накъ Божественное слово на родномъ нарѣчій, въ основаніе Русскаго духовнаго просвѣщенія.

Государственное начало, вѣра Христіанская и духовное просвѣщеніе на своемъ языкѣ— вотъ три стѣпени, великія, благодатныя, почти одновременно унавившія сыны на Славянскую почву, въ великое заглавіе будущности Русской!

А что происходило между тѣмъ на Сѣверѣ? Неужели Рюрикъ оставался, сложа руки, въ Новгородѣ?

Вѣроятно Норманскою веревкою, о которой надолго сохранилось воспоминаніе, онъ межевалъ землю, полученную во владѣніе, опредѣляя, куда должны тянуть ея волости или верви: къ князю, къ боярамъ, къ городамъ.

Можетъ быть онъ принималъ участіе въ Норманскихъ походахъ по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, въ Германіи, Франціи и Англии; можетъ быть распространялъ предѣлы Новгородскаго владѣчества на востокъ и югъ, къ сторонѣ Уральскихъ горъ; можетъ быть въ продолженіи семнадцати лѣтъ онъ успѣлъ и тамъ издѣсь поработать. Кіевская лѣтопись молчитъ объ этихъ дѣйствіяхъ, сообщая, въ 879 году, одно извѣстіе объ его кончинѣ, предъ которою онъ отдалъ на руки только что родившагося сына Игоря, (слѣдовательно онъ былъ еще тогда въ порѣ полного мужества), — родственнику своему Олегу, емуже передать и свое княженіе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ОЛЕГЪ

879—912

Олегъ, молодой, пылкій, дѣятельный, не долго усидѣлъ на мѣстѣ. Жажда ли дѣятельности, врожденная Норманну, желаніе найти другое жилище удобнѣе и веселѣе знаменитыхъ болотъ сѣверныхъ, или распрія съ строптивыми Новгородцами, были причиною, а онъ вскорѣ спарядился въ походъ. Народное преданіе придастъ ему много воевъ: Варяговъ, Чудь, Словенъ, Мерю, Вель, Кривичей. Пошелъ онъ по тому обыкновенному пути, по которому издавна носились къ югу сѣверные скитальцы. Малолѣтнаго Игоря онъ взялъ съ собою, какъ будто рѣшаясь заранѣе не возвращаться въ Новгородъ.

На Днѣпрѣ занялъ Олегъ Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей, и посадилъ тамъ мужа своего; плывя далѣе внизъ, занялъ Любечъ, гдѣ посадилъ также своего мужа. Наконецъ представился ему Кіевъ, на которой зарился онъ можетъ быть и прежде издали. Надо взять и его!

Но городъ былъ крѣпокъ, утвержденный опытными Варягами. Осаждать его—понадобилось бы много времени; брать на штырь—услугъ сомнительный, или покрайней мѣрѣ неизвѣстный: у Аскольда и Дира была своя храбрая дружина, а уступить безъ бою они не могли такое завидное владѣніе, принадлежавшее имъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ.

Олегъ рѣшился на хитрость, къ которой въ нужныхъ случаяхъ любили прибѣгать его соотечественники: онъ оставилъ часть своихъ лодокъ позади, въ прочихъ схоронилъ вой, и приплылъ подъ Угорское. Такъ называлась ближайшая гора къ Кіеву, гдѣ стояли

вежами Угры, (Венгры), шедшіе въ Европу съ востока (898) чрезъ горы великія. Отсюда послать онъ къ Аскольду и Диру звать ихъ къ себѣ въ ладью, выдавалъ себя за проѣзжаго гостя, плывущаго въ Константинополь отъ князя Олега и княжича Игоря изъ Новгорода: «Придѣта къ намъ къ родомъ своимъ». Легковѣрные поддались на обманъ. Они вышли изъ своей крѣпости, съ немногими провожатыми, спустились съ горы на берегъ, и приблизились къ ладьямъ. Вдругъ выскочили спрятанные воины и бросились на нихъ. Показался и самъ Олегъ. Вы не князья и не княжескаго рода, сказали имъ гордый Нормантъ, уважавшій болѣе всего благородство, а я князь, и вотъ сынъ Рюрикѣвъ, прибавилъ онъ, указавъ на выпесеннаго между тѣмъ изъ ладьи ребенка Игоря. Несчастные пали въ то же мгновение подъ мечами убійцъ. Тѣла ихъ отнесли на гору, гдѣ, въ Несторово время, былъ Ольминъ дворъ, и тамъ погребли. На мѣстѣ погребенія Аскольдова этотъ Олма построилъ впоследствии церковь св. Николая, а Дирова могила, говоритъ Несторъ, находится за монастыремъ Св. Иринеи, — какъ-будто въ воспоминаніе объ ихъ христіанствѣ.

Смирные Поляне поддались спокойно новому пришельцу, какъ прежде Аскольду и Диру, и «сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ».

Онъ такъ полюбилъ доставшійся ему городъ, что рѣшился прекратить свой неопредѣленный путь, и водвориться здѣсь навсегда. «Се буди мѣсто градомъ Русскимъ», сказалъ Олегъ. «Бывша у него Варязи и Словѣни и прочи, прозвашася Русью».

Имя Руся сдѣлалось тогда принадлежностію Кіева, откуда начало расширяться далѣе и далѣе, не найдя еще своихъ предѣловъ...

Чтобъ утвердить свою власть Олегъ началъ ставить города въ новомъ княжествѣ, какъ ставилъ ихъ Рюрикъ съ своими мужами на сѣверѣ. Потомъ опредѣлялъ онъ дани Словенъ, Кривичей и Мери, то-есть раздѣлялъ землю на участки, (вѣроятно тысячи), и назначилъ, куда какой участокъ долженъ тпнуть, къ какому городу, и сколько представлять дани. Сверхъ того указалъ онъ, чтобъ Новгородцы, оставшіеся безъ защиты, платили заморскимъ Варягамъ ежегодно триста гривенъ, или полтора ста фунтовъ серебра, «мира-дѣля».

Устроивъ такимъ образомъ домашнія дѣла, Олегъ, истый Нормантъ, началъ свои военные поиски. Всякой годъ, лишь только вскрывался Днѣпръ, отправлялся онъ на добычу въ быстрыхъ ладьяхъ, по рѣкамъ, въ него впадающимъ, справа и слева, и распространять предѣлы дани, заставляя мирныя и тихія племена Славянскія, одно за другимъ, признавать свою власть.

Въ 883 году, по Днѣпру, Припяти и Ушѣ, онъ напалъ на Древлянъ, (жившихъ въ нынѣшней Вольнской губерніи), и «примучивъ ихъ» опредѣлилъ давать по черной купѣ.

Въ 884 году, по Деснѣ, ходилъ онъ на Сѣверянъ, (изъ Черниговской губерніи), побѣдилъ ихъ, и возложилъ дань легкую, велѣвъ только отказаться отъ Козаръ. Олегъ сказалъ: я врагъ имъ, а не вамъ.

Въ 885 году, послалъ онъ спросить къ Радимичамъ, жившимъ по Сожѣ, (въ Могилевской губерніи): кому даете дань? Они отвѣчали: Козарамъ. Олегъ сказалъ: не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ, — и Радимичи дали ему по щягу, какъ платили прежде Козарамъ.

Всѣ эти племена, равно какъ и Дулебы, обитавшіе по Бугу, Хорваты, далѣе на западъ, къ горамъ Карпатскимъ, покорились ему безъ сопротивленія, а съ Уличами и Тиверцами, жившими по Днѣстру, да моря, (въ Подольской губерніи), онъ долженъ былъ воевать.

Такъ далеко успѣлъ Олегъ въ короткое время разнести славу своего оружія, столько племень посчастливилось ему подчинить себѣ, но онъ не былъ доволенъ сими мирными завоеваніями. Чегоже ему хотѣлось болѣе?

Царьградъ,—вотъ куда устремлялись издавна жадные взоры и задушевныя мысли всѣхъ Варяговъ, вотъ гдѣ надѣялись они приобрести самую лестную для себя славу и самую богатую добычу, вотъ о какомъ походѣ думалъ и Олегъ.

Среди приготовленій, въ 903 году, женилъ онъ Игоря, вскормленнаго своего, бывшаго и по возрастѣ въ полномъ у него повиновеніи, привелъ ему жену изъ Плескова, Варяжскаго рода, именемъ Ольгу.

Древнее преданіе такъ рассказываетъ объ этой жѣнитбѣ: Игорь узналъ случайно свою суженую, — онъ охотился по лѣсамъ за звѣрями въ Псковской области, и ему понадобилось переправиться съ одного берега рѣки на другой; издали увидѣлъ онъ плывшую внизъ лодку, подозвалъ къ себѣ, и велѣлъ перевезти. Лодкою правила молодая дѣвушка, прекрасная собою. Князь прельстился ею, но не получилъ согласія: она осмѣла его упреками, и грозилъ даже броситься въ рѣку. «И абіе Игорь отложи юношеское мудрованіе свое», по свидѣтельству ея житія, «наипаче же со стыдѣніемъ и молчаніемъ преиде рѣку, виная себѣ о таковыхъ (ея совѣтахъ) до времени, и оттолкъ пакъ иде въ Кіевъ.» Когда пришла пора ему жениться, онъ

вспомнилъ объ этой встрѣчѣ, и Ольга приведена была ему изъ Плескова.

Греческій, такъ называемый, путь, равно какъ и Восточная Имперія, съ своими средствами защиты, становились въ Кіевѣ съ каждымъ годомъ извѣстнѣе. Гости и войны, дружинами и по одиночкѣ, плавали безпрепятственно взадъ и впередъ, съ Сѣвера въ Константинополь, и изъ Константинополя на Сѣверъ, въ Новгородъ, Швецію, Данію и Норвегію, гдѣ до сихъ поръ многочисленныя рунническіе камни съ ихъ именами свидѣтельствуютъ о количествѣ древнихъ путешественниковъ и живости сообщенія. Двѣ тысячи ладей наготовили Олегу Кривичи и прочіе Славяне, которые, по свидѣтельству Греческаго Императора Константина Багрянороднаго, нарубивъ зимою по горамъ лѣсъ, строили обыкновенно ладьи у себя дома, и потомъ по вскрытіи воды сплавляли въ ближнія озера, а оттуда въ Днѣпръ, до Кіева; тамъ покупала ихъ Русь, снабжала веслами, уключинами и прочими снастями, собственнаго издѣлія, и сваряжала для плаванія.

Долго собирался Кіевскій князь съ силами, и уже въ 906 году, слѣдовательно чрезъ двадцать сличкомъ лѣтъ по водворенія своемъ въ Кіевъ, оставя Игоря въ Кіевѣ, «иде Олегъ на Греки, поже множество Варягъ, и Словенъ, и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверу, и Древляны, и Радимичи, и Хорбаты, и Дулѣбы, и Тиверцы».

Константинъ, почти современникъ, описалъ обыкновенное торговое плаваніе Руси въ Константинополь, которое можетъ подать намъ понятіе о трудностяхъ, предлежавшихъ военному многочисленному полчищу. Вотъ собственныя его слова, живо изображающія удалыхъ Варяговъ съ ихъ пріемами, обычаями и даже языкомъ: